

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной деятельности
Казанского (Приволжского) федерального
университета, доктор геолого-
минералогических наук, профессор

Д. К. Нургалиев

« 5 » сентября 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (КФУ) – на диссертацию ГРИБОВСКОГО Михаила Викторовича «Профессорско-преподавательский корпус Императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Актуальность тематики диссертационного исследования М.В. Грибовского не вызывает никаких сомнений. Причем обусловлена она не только той значимой ролью, которую играло университетское сообщество, и, в частности, университетская профессура в культурной, научной, политической жизни Российской империи рубежа XIX–XX вв. Особую актуальность и значимость придает этой теме та весьма сложная и противоречивая ситуация, которая сложилась сегодня в российских университетах, в условиях перехода к их менеджериальному типу – перехода, сопровождающегося неуклонным редуцированием университетской автономии, утратой внутренней демократизации и разрушением и деформацией прежних базовых университетских норм и приложимых к ним университетских традиций. Об этом автор прямо, правда, может быть, и не столь откровенно, пишет во введении к работе, и с ним нельзя не согласиться (с. 9).

Корректно и логично определены во введении к диссертации ее цель, задачи, территориальные рамки исследования, положения, выносимые на защиту. В целом не вызывает сомнений и избранная М.В. Грибовским структура диссертации, которая позволила автору обстоятельно и последовательно изложить материал, раскрыть основное содержание изучаемой темы, а в заключении сделать ряд аргументированных выводов. Особо хотелось бы отметить прекрасный литературный стиль изложения материала и безукоризненную орфографическую и стилистическую грамотность автора текста.

Диссертационное исследование состоит из введения, семи глав, заключения, списка использованных источников и литературы и трех приложений. Первая глава носит

теоретический характер, в следующих трех главах раскрываются внутриуниверситетские условия и обстоятельства существования и функционирования профессорско-преподавательской составляющей университетской корпорации рассматриваемого периода, в 5-й и 6-й главах феномен университетского преподавателя анализируется применительно к внешним факторам (городское пространство, политические процессы), в последней, 7-й главе предпринимаются попытки выстроить некую модель российского университетского профессорско-преподавательского сообщества рубежа XIX–XX вв.

У докторской диссертации М.В. Грибовского есть два важнейших и неоспоримых достоинства, позволяющих оценить эту работу весьма высоко.

Первое – это избранный автором объект исследования – профессорско-преподавательский корпус *всех* университетов Российской Империи конца XIX – начала XX в.: Варшавского, Казанского, Московского, Николаевского (Саратов), Новороссийского (Одесса), Санкт-Петербургского (Петроградского), Св. Владимира (Киев), Томского, Харьковского, Юрьевского (Дерптского), а также Пермского отделения Петроградского университета. Такой широкий подход позволяет решить одну из главных задач, напрашивающихся исходя из исследуемого материала: сложилась ли к 1917 году в России единая модель университетского профессорско-преподавательского сообщества или все же в каждом университете преобладала локальная специфика и в таком случае каковой она была. Автор склоняется в пользу первой точки зрения и стремится ее доказать.

Второе важнейшее достоинство работы – привлечение обширного эмпирического материала, преимущественно архивных документов делопроизводственного характера и личных архивных фондов, ранее не введенных в научный оборот. В диссертационном исследовании умело и аналитично использованы материалы, хранящиеся в 9 российских (РГИА, ГАРФ, Центральный государственный архив города Москвы, Национальный архив Республики Татарстан – правда, ныне, с 2018 г., он называется Государственный архив РТ, Государственный архив Пермского края, Государственный архив Томской области, Государственный архив Саратовской области, Центр документации новейшей истории администрации Воронежской области, Архив Музея истории ТГУ) и 7 зарубежных архивных хранилищах (Archiwum Państwowe w Warszawie, Archiwum Główne Akt Dawnych, Варшава, Eesti Ajalooline Arhiiv, Центральный государственный исторический архив Украины, Государственный архив города Киева, Государственный архив Харьковской области, Государственный архив Одесской области) – всего 60 архивных фондов.

Богатейший источниковый материал с мощным информационным потенциалом позволил автору поставить и обстоятельно осветить в диссертации следующие проблемы:

– рассмотреть вопросы служебно-правового и материального положения профессоров и преподавателей российских университетов, которых автор относит к категории чиновников «нового типа», отличавшихся по характеру профессиональной деятельности и стилю служебного поведения от иных служащих министерства народного просвещения; осуществить доскональную реконструкцию материального положения профессоров и преподавателей, определить все возможные источники доходов и статьи расходов профессорских семей и выявить таким образом значительную дифференциацию уровня жизни различных категорий университетских преподавателей (глава 2);

– проанализировать особенности кадрового состава российских университетов конца XIX – начала XX в., в том числе проследить динамику численности профессоров и преподавателей в период действия последнего университетского устава с учетом академической мобильности; выявить особенности социального, возрастного, национального состава преподавателей различных университетов, обратить внимание на проявление «национального вопроса» в университетской среде; подробно рассмотреть систему учёных степеней, должностей и званий в дореволюционном университете, затронув дискуссию о необходимом количестве учёных степеней, охарактеризовать феномен приват-доцентуры как обширной категории преподавателей «второго сорта», породивший ситуацию конфронтации внутри преподавательских коллективов (с. 314) (глава 3);

– охарактеризовать отношения профессорско-преподавательского корпуса со студенчеством как кризисные и свидетельствующие о распаде традиционной патерналистской модели «учитель – ученик»; описать попытки преодоления кризиса, как со стороны администрации, так и со стороны преподавателей; остановиться на проблеме восприятия преподавательским корпусом студенческого движения рубежа XIX–XX вв. (глава 4);

– охарактеризовать отношения представителей университетского преподавательского сообщества с городом, выделить такие формы и способы этих отношений, как предоставление городу и горожанам экспертных, образовательных, юридических, медицинских услуг, осуществление общественно-полезной деятельности (консультативной, просветительской, благотворительной) участие в местном самоуправлении (глава 5);

– дать характеристику общественно-политической деятельности преподавателей через характеристику такого явления, как идейный раскол в преподавательской среде; выявить формы протестной активности «левой» части сообщества и проявления политической лояльности «правой» его части; предложить классификацию форм политической активности; показать участие университетских преподавателей в работе Государственного Совета и Государственной Думы в начале XX в. (глава 6);

– и, наконец, определить формы и способы проявления профессиональной идентичности представителей профессорско-преподавательского корпуса российских университетов, к которым отнесены активное участие преподавателей в обсуждении «университетского вопроса», их шаги к самоорганизации, наличие схожих этических принципов; показать специфику взаимоотношений внутри профессорско-преподавательских коллективов в диапазоне между дружбой и враждой; определить особенности университетских преподавательских сообществ как профессиональных коллективов, к которым автором отнесены, в частности, слабая конкуренция, использование корпоративной атрибутики, иерархичность, расколотость, двойная идентичность (глава 7).

Введенные в научный оборот документы и их скрупулёзный анализ позволили диссертанту восстановить сложную и противоречивую картину бытования российского университетского преподавательского сообщества на рубеже XIX–XX вв., убедительно доказать, что таковое сообщество, действительно, сложилось, что оно было достаточно специфично и обладало своими собственными правилами и нормами существования, своей собственной динамикой и логикой развития. Оно оказывало значительное влияние на те социополитические и культурные процессы, которые происходили в стране на рубеже XIX–XX вв., будучи ориентированным в условиях новой политической и социокультурной ситуации на удовлетворение общественного запроса и откликаясь на вызовы времени, но в то же время оставаясь достаточно закрытым профессиональным сообществом, с большим нежеланием допускающим в свои ряды «чужих».

Высоко оценивая несомненные достоинства диссертации М.В. Грибовского, нельзя не отметить и ряд имеющихся в диссертации недостатков:

1. Главная претензия, которую следует предъявить, касается методологии исследования. Во введении к диссертации (с. 16) и в специальном разделе главы 1 «Методология исследования: подходы, принципы и инструментарий» автор ее указывает, что основой его исследования является антропологический подход, предполагающий «фокусирование на персоналиях и университетских сообществах» и уделяющий особое внимание «университетскому человеку». «Вдохновляясь», по его собственным словам, в этой связи, известной монографией Ф. Рингера и находя «интересной» книгу М. Баумгартнер (с. 82–83), диссертант даже не пытается выйти за пределы исследовательской литературы, посвященной собственной университетскому сообществу, и обратиться к работам теоретиков смежных областей социогуманитарного знания, в частности, абсолютно необходимым в данной работе исследованиям в области социальной антропологии. Выстроить адекватную теоретическую рамку исследования, рассуждая об университетских практиках,

структурах и культурах, невозможно без обращения к базовым теоретико-методологическим трудам классиков этого жанра – будь то социологическая концепция Пьера Бурдьё с ее системоопределяющим понятием «habitus», или теория «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона, или «социальный конструкционизм» П. Бергера и Т. Лукмана. Что выбрать в данном случае, решать автору. Но без такого четкого методологического основания вся эмпирика повисает в воздухе.

Рассуждая далее об антропологическом подходе, автор диссертации указывает, что он «реализуется в рамках различных направлений, выработанных исторической наукой. К их числу относится история повседневности, историческая конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства». Но ведь у каждого из этих направлений, которые пытается экстраполировать на исследуемую им проблему диссертант, есть некий общий и, кроме того, свой особый методологический инструментарий, о котором в диссертации тоже ничего не говорится.

Кроме того, автор диссертации плохо осведомлен о сути тех вышеупомянутых междисциплинарных направлений, которые он предлагает использовать в своей диссертации. Так, неоднократно в тексте диссертации встречаем: «психоистория («история ментальностей»)» (с. 16, 84). Тогда, как это широко известно, психоистория и история ментальностей являются совершенно отдельными, самостоятельными направлениями социогуманитарного знания (психоистория, идущая от З. Фрейда, активно разрабатываемая в послевоенный период Л. Демозом и Э. Эриксоном и фактически утратившая свое значение с конца 1960-х гг., и история ментальностей, идущая своим путем от школы Анналов и успешно процветающая и поныне).

2. Пробелы в методологии не позволили диссертанту верно определить объект и предмет исследования. Объект – это исследуемое поле, а предмет – это свойства объекта, подвергаемые изучению. В диссертации же объект определен неверно («высшая школа дореволюционной России», с. 12), реальный объект исследования выдан за предмет («профессорско-преподавательский корпус университетов Российской Империи конца XIX – начала XX в.», там же), а предмет диссертационного исследования не определен вообще.
3. Несколько проблематично определение верхних хронологических границ исследования. Понятно, что формально Февральская революция должна была положить конец прежней имперской университетской системе. Однако в действительности кардинальные перемены в жизни профессорско-преподавательской

корпорации пришлось лишь на осень 1918 г., когда советская власть занялась, наконец, вплотную реформированием университетов в соответствии со своими нормативными представлениями о них. На него скорее повлияли не февральские, а октябрьские и последовавшие за ними события конца 1917–1918 гг. Видимо, верхнюю хронологическую границу диссертации нужно было обосновать более обстоятельно и убедительно. Кроме того, в диссертации речь идет не о политической, а о социокультурной истории, и очевидно, что слом ментальности / ментальностей не произошел одновременно, начиная сразу же с февраля 1917 г.

4. В качестве замечания хотелось бы отметить также неравномерное расположение материала на хронологической оси: абсолютно оправданно большое внимание уделено роли, месту и отношению профессуры к событиям 1905–1907 гг., но затем изложение идет по ниспадающей. Хотя как раз наиболее интересно было бы узнать, каким встретило профессорско-преподавательское сообщество революцию 1917 г. и каким, соответственно, был тот исходный «материал», из которого большевики конструировали новую советскую высшую школу. В плане концепции «преемственности» и «разрывов» это было бы крайне важно.
5. Теоретические пробелы наблюдаются при работе диссертанта с источниками. М.В. Грибовский указывает, что классифицирует их по видовому принципу (с. 60). Между тем, видовой принцип классификации в диссертации явно нарушен: верно выделяя ряд основных видовых групп источников (нормативные акты, делопроизводственная документация, справочные издания, материалы периодической печати и источники личного происхождения), диссертант, отступая от использованного в данном случае видового основания классификации, добавляет в список еще одну классификационную группу – документальные издания. Это неверно, поскольку привлеченные автором документальные издания по сути представляют собой по виду, как правило, делопроизводственные документы (как указывает автор, доклады, отчеты, записки), которые в соответствии с видовой классификацией должны быть отнесены ко второй группе. С источниковедческой точки зрения факт их публикации / непубликации имеет значение только с точки зрения функционирования источника в культуре, но судя по тексту диссертации этот сюжет не очень занимает автора: для него в данном случае первостепенна информационная отдача текстов. Видимо, не следовало в данном случае нарушать традиционно сложившуюся видовую классификацию и более целесообразно было бы дополнить ее, как это принято в исследованиях квалификационного характера, делением источников на опубликованные и неопубликованные. Источниковедческой ошибкой является

отнесение справочных изданий, изданных в 1980–2010е гг. к категории исторических источников (с. 71–72, 707–713) – это не источник, а литература (см, например, Источниковедение: Учебное пособие. М: ВШЭ, 2015. С. 285–292).

6. Определенные претензии можно высказать и к историографической основе диссертационного исследования. В историографическом обзоре имеются досадные пробелы и несколько неверная, на наш взгляд, расстановка исследовательских приоритетов в современной отечественной и украинской историографии. Так, безусловно высоко и заслуженно оценивая вклад А.Ю. Андреева и С.И. Посохова в «теоретическое осмысление университетского прошлого» (с. 11, 41–42) и вклад С.И. Посохова как «методолога университетской истории», успешно «освоившего» культурно-урбанистический подход применительно к изучению истории российских университетов и предложившего его в своей монографии 2014 г. (с. 85), автор практически игнорирует теоретико-методологическую значимость и приоритетность работ Е.А. Вишленковой, практически первой в российской историографии применившей этот подход на материалах истории Казанского императорского университета, в монографии «Terra Universitatis», опубликованной задолго до этого, еще в 2005 г. Эту монографию, явившуюся по существу пионерским исследованием в области именно социокультурной истории российского университета, в том числе и в хронологических рамках изучаемого автором диссертации периода, что неоднократно отмечалось в рецензиях отечественных и зарубежных специалистов, и предложившую и воплотившую алгоритм изучения такой истории, впоследствии широкой востребованный как в работах учеников самой Е.А. Вишленковой и ее соавторов, так и в созданных гораздо позднее работах того же С.И. Посохова и его учеников, диссертант весьма лаконично характеризует лишь как «специальное исследование, написанное отчасти с культурно-урбанистических позиций» (с. 85). Описывая сложности инсайдерского подхода к изучению университетской истории и подтверждая это ссылкой на докторскую диссертацию об интеллигенции П.Б. Уварова 2010 г., М.В. Грибовский вновь «не замечает» этой методологической посылки, специально акцентированной во введении все к той же «Terra Universitatis», сделанный еще до за пять лет до этого, причем применительно непосредственно к университетской истории. Либо диссертант считает эту основополагающую монографию малозначимым историографическим феноменом, но тогда хотелось бы знать, почему, либо он ее просто не читал.
7. И наконец, последнее замечание. Автор пишет о том, что в российской имперской профессорско-преподавательской корпорации общее возобладало над специальным и

отдельным: «географические масштабы империи не очень заметно сказывались на региональных особенностях преподавательских составов десятка российских университетов. И, хотя, следует обращать внимание на региональную специфику социального происхождения, кадрового состава профессоров и преподавателей разных российских университетов, объединяющих их черт было гораздо больше» (с. 691). Если говорить о ее составе, то это так и было. Но ведь автор – повторимся еще раз – основным считает в своей работе социоантропологический подход и ориентируется на историю ментальностей. А вот здесь с выводом по поводу единообразия можно было бы и поспорить: как показывают многочисленные источники личного происхождения, самооущения и самооценка у профессоров, скажем, Московского, Варшавского и того же Казанского университета были довольно разные. Эта проблема, к сожалению, не нашла отражения в диссертации.

Отмеченные недостатки, безусловно, снижают общий уровень работы. Однако, они не могут перевесить тот значительный вклад, который внес диссертант в эмпирическую базу университетской истории в России, в расширение источникового поля отечественной университетологии. Поэтому в целом диссертационное исследование М.В. Грибовского можно оценить положительно. В данной диссертации на значительном и разнообразном фактическом материале, впервые введенном в научный оборот, решена важная научная проблема, заключающаяся в определении роли и места университетского профессорско-преподавательского корпуса в социокультурной и общественно-политической жизни Российской империи конца XIX – начала XX в.

Полученные автором диссертации результаты имеют высокую значимость для развития исторической науки, а также большую практическую значимость. Они могут быть применены при написании обобщающих трудов по социальной и интеллектуальной истории России, при освещении отдельных тем общих курсов российской истории, истории науки и таких активно развивающихся направлений современного социогуманитарного знания, как университетология и историческая биографика, при создании учебных пособий и написании научно-популярных работ.

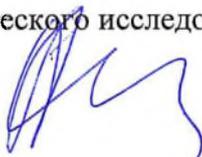
Основные положения диссертации получили отражение в 52 публикациях автора, в том числе в 17 статьях, опубликованных в изданиях из перечня ВАК Минобрнауки РФ. Полученные результаты неоднократно представлялись на международных научных конференциях.

Диссертация М. В. Грибовского «Профессорско-преподавательский корпус Императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.» представляет собой самостоятельное, завершённое

исследование. Полученные результаты вносят достаточно весомый вклад в социальную историю России и историю высшего образования в стране. Выводы автора научно обоснованы и верифицированы. Содержание автореферата соответствует тексту диссертации. Представленный текст докторской диссертации соответствует требованиям п. 9 действующего Положения о присуждении ученых степеней. Автор работы М. В. Грибовский заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен А. А. Сальниковой, доктором исторических наук, профессором, профессором кафедры отечественной истории КФУ. Отзыв на диссертацию заслушан, обсужден и одобрен на заседании кафедры отечественной истории Института международных отношений КФУ «31» августа 2018 г., протокол № 1.

Профессор кафедры отечественной истории КФУ,
доктор исторических наук (07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования),
профессор

Сальникова Алла Аркадьевна

Заведующий кафедрой отечественной истории КФУ,
доктор исторических наук (07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования),
профессор

Литвин Александр Алтерович

Сведения об организации:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Почтовый адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18

Телефон: (843) 292-69-77

Адрес электронной почты: public.mail@kpfu.ru

Адрес официального сайта: <http://kpfu.ru>